

ПРОЛОГ

Под кожей ни намека на пульс.

Всеми органами чувств Кин силился уловить знакомое «тук». Нет, не биение сердца, но нечто не менее важное: сигнал возвратного маячка, тонко настроенного на биометрию носителя.

За восемь лет и двадцать восемь заданий от Бюро темпоральной деформации легкая пульсация имплантата слилась с общим фоном. Еще один нюанс путешествий во времени. Всего лишь часть работы. Как сердцебиение: не замечаешь, пока не прекратится. Но теперь эта пульсация исчезла.

А с ней — и обратный билет в две тысячи сто сорок второй год.

В номере мотеля Кин разбинтовал живот, переборов жгучую боль, с которой марля отделялась от липкой кожи. Нащупал засохший край нашлапки заживляющего геля, отклеил ее от входного пулевого отверстия под ребрами и аккуратно сложил зеленые обрывки на полотенце. Надо будет сжечь. Даже в самом тяжелом состоянии Кин строго придерживался протоколов бюро. Любопытной прислуге из тысяча девятьсот девяно-

сто шестого незачем видеть следы медицинских технологий будущего, пускай и после использования.

Яркие светодиодные цифры на деревянном радиобудильнике у стены напротив подсказывали, что с момента стычки прошло восемь часов четыре минуты. До сих пор в затылок будто бы все еще вливался гравий на крыше фабрики, где Кин вступил в схватку с наемницей из будущего. Ей поставили задачу задержать мужа сенаторши, чтобы та опоздала на голосование по одному из банковских регулятивных правил. Незначительное на первый взгляд, оно повлекло за собой десятилетия негативных последствий. Кин скрутил наемницу в болевом захвате, но девица обломком кирпича шарахнула ему по коленной чашечке.

Теперь он еле стоял на ногах в ванной комнате, вцепившись в обод раковины. Левая с трудом выдерживала его вес.

Кирпичом по колену, ботинком по ребрам. И выстрел — не из плазменного разрядника, а из соответствующего эпохе полуавтоматического пистолета.

В памяти отпечаталась самодовольная ухмылка наемницы, мелькнувшая в жидком лунном свете. На мгновение Кин удивился, почему девица сочла их стычку забавной. Но дульный срез пистолета скользнул вниз, от лба к месту имплантации возвратного маячка, — и он все понял.

Чем лишить его возможности вернуться, лучше бы застрелила.

Кин выругал себя за то, что позволил преступнице одержать верх. Доверился интуиции, а не массиву разведанных БТД — Бюро темпоральной деформации.

Спустя пару секунд наемница зазевалась, и этого было предостаточно. Адреналин придал Кину сил для

финального рывка. Тошнотворный хруст свернутой шеи принес облегчение вкупе с ненавистью к самому себе. Типичные спутники служебного протокола номер восемьсот девяносто шесть: «При сопротивлении, представляющем угрозу для жизни, исполнитель имеет право уничтожить объект».

Задание выполнено. И что теперь?

Кин порылся в памяти. Пролистал воспоминания о рабочих процессах, отчетах, тренировках — обо всем, что могло бы содержать алгоритм действий при неисправности маячка. Но бесконечный список технических спецификаций и заверений в отказоустойчивости не принес утешения. Выходит, все это Кин зубрил напрасно.

Хотя нет, не напрасно. Маячок никогда не выключается. Просто не может вырубиться, пока жив его носитель.

«Действуй по обстановке», — напомнил себе Кин.

Процедуры, протоколы, ментальная визуализация. Благодаря годам специальной подготовки вся совокупность данных разом всплыла перед внутренним взором. Крепко зажимая рану, Кин ждал, когда ощутит ладонью легчайший трепет. Сквозь темно-коричневые пальцы сочилась кровь и стекала по обнаженному торсу. На кафельную плитку в конспиративном номере бюро шлепнулась ярко-красная капля. За ней вторая и третья.

— Сотрудник отдела темпоральных преступлений И-Д-Р-один-пять, код Е-шесть, включить интерфейс.

Эту активационную фразу Кин произносил в конце каждого задания.

Прошло две минуты. Сто двадцать застывших мгновений.

Подождав, Кин повторил те же слова. Миновала секунда, еще две, а затем все расплылось. Прищулив глаза, Кин смотрел прямо перед собой. После активации должна появиться тактильная голограмма. Та же, что всегда.

В нескольких дюймах от лица он буквально видел полупрозрачные линии оранжево-голубого дисплея ввода-вывода. Чувствовал физический отклик, слышал, как щелкает виртуальная клавиатура при вводе кодов доступа и подтверждении статуса задания отпечатком большого пальца.

Видел, слышал, чувствовал, но только в воображении. Интерфейс не появился. Невозможно подать сигнал о завершении миссии.

Из аптечки первой помощи Кин выхватил маленький черный прямоугольник:

— Сканер жизненных показателей.

Перед глазами всплыли голографические символы. Температура тела (слегка повышена из-за ранения), частота ударов сердца (то же самое), уровень гидратации организма (понижен), интенсивность дыхания (в норме), кровяное давление (стабильное). Все это должно было подтвердить личность сотрудника и запустить генератор тепловой энергии для маячка.

С коротким гидравлическим шипением из прибора выскочила тонкая черная палочка. Плазменный скальпель цилиндрической формы. Кин сжал его крепко, до боли в пальцах. Так, приставить инструмент двумя дюймами выше огнестрельной раны. Сделать диагональный разрез на семь-восемь дюймов сверху вниз, чуть наклонив рукоятку к себе.

Теоретически, если в маячке сохранилась хотя бы крупица энергии, в систему отслеживания командного

центра — то есть в две тысячи сто сорок второй год — немедленно поступит сигнал. При контакте с воздухом маячок, прежде чем выключиться раз и навсегда, сообщит об успешной попытке извлечения.

Кин накалил скальпель. Вонь горелого мяса оказалась еще невыносимее, чем боль при медленном прожигании тела.

«Но если маячок уже отключен, у меня лишь добавится ран. А условия для полевой хирургии здесь далеко не идеальные. Особенно в отсутствие базовых медикаментов».

Жаркий луч скальпеля исчез.

Полотенце. Вода. Зажать рану, нанести заживляющий гель, наложить бинт. Хорошенько обдумать следующий шаг. Если рассуждать логически, через два дня закончится двухнедельный срок, отведенный на выполнение задания в тысяча девятьсот девяносто шестом, после чего командный центр начнет сканировать эфир в поисках возвратного сигнала. Обычно Кину импонировал строгий регламент БТД с его политикой «день в день», благодаря которой сотрудники избегали преждевременного старения. Но теперь это означало, что целых двое суток предстоит мучиться вопросом: а что, если?..

Не обнаружив сигнала, подсказывал здравый смысл, эвакуаторы БТД найдут агента и заберут домой. Даже без геопозиционирования сделать это проще простого, ведь бюро имеет доступ ко всем цифровым записям в истории человечества.

Да, именно так и будет. Его не бросят здесь, в девяносто шестом.

Ведь не бросят?

Наложив чистую повязку, Кин прислонился обнаженной спиной к стене, соскользнул на пол и шумно выдохнул, ощутив на плечах тяжелое бремя.

На ум пришел новый вариант. Пожалуй, единственный: сохраняй спокойствие, жди и наблюдай.

Будущее покрыто мраком. От этой мысли свело все мышцы в теле. Стон Кина эхом отозвался от тонких грязных стен.

Освещение здесь было скверное, но натренированный глаз приметил за унитазом какой-то крошечный предмет. Претерпевая жжение в боку, резь в коленях и колики в животе, Кин дрожащей рукой дотянулся до него и придвинул к себе.

Монетка.

Игнорируя боль, что расплзалась по избитому телу, преодолевая страх, очевидность которого не хотелось признавать, Кин негромко рассмеялся. Один цент. Самая бесполезная наличность в девяносто шестом. Или какой-то знак. Символ. Пенни.

Он зажал находку в кулаке, и ее края впились в ладонь.

На него снизошло спокойствие. Дыхание и сердцебиение вернулись к нормальному ритму. Этот косвенный намек на прошлое — или, в зависимости от точки зрения, на будущее... В нем непременно что-то есть.

Надежда. Ну конечно. Иначе зачем ему эта монетка?

ГЛАВА 1

В прошлом Кин Стюарт был секретным агентом и путешественником во времени.

С тех пор минуло восемнадцать лет плюс-минус пара месяцев. По крайней мере, так подсказывало чутье. Но даже теперь Кин толком не знал, где он и что случилось. Не говоря уже о том, кто он вообще такой.

Кин открыл глаза.

Огни. Свет и твердый бетон. Ноющая боль в коленях. Холодно щеке и уху.

Автомобильный гудок.

Голоса. Две женщины — далеко, потом все ближе. Одна определенно моложе другой. Обе взволнованы, говорят короткими фразами.

— Кин? Кин! Ты в порядке? — сказала та, что старше.

— Позвонить в службу спасения? — спросила вторая, помладше.

В каждом ее слове звенела паника.

— Ну же, ну, вставай! Ты меня слышишь?

— Ему нужен врач!

Мир снова потускнел и вдруг обрел резкость. Кин закрыл глаза, отдышался и через силу попробовал

вспомнить, что произошло. Наверное, его кто-то ударил, и он лишился чувств.

К лицу прикоснулись холодные пальцы, немедленно пробудив моторную память спецарента.

Исходя из прикосновения, Кин рассчитал угол наклона чужой руки. Периферийным зрением засек два силуэта — обе женщины на коленях, позади него. Сам он на полу, лицом вниз. Ничком. Надо в безопасное место. Но где оно?

Он вскинул руку, оттолкнул женские пальцы, откатился в сторону — на спину, снова на живот, — вскочил на колени и выставил перед собой руки для защиты.

На него смотрели две пары испуганных глаз. Вокруг обеих фигур искрилось гало, менявшее форму, когда Кин переводил взгляд с одной на другую.

Хезер, в деловом костюме, лицо обрамлено длинными рыжими локонами, рука вытянута вперед, ладонь раскрыта. Жена.

Чуть позади Миранда, в форме школьной футбольной команды, смотрит с неподдельной тревогой, округлив большие глаза. Дочь.

Куда ни глянь, везде слепые пятна. Будто фейерверки. Еще один симптом, характерный после отключения.

Кин видел, что Миранде страшно, а Хезер взволнована. Значит, снова потерял сознание, и теперь надо заверить их, что в этом нет ничего особенного, хотя сам он едва держался. Кин изобразил улыбку, не самую широкую, но необычайно теплую, улыбку отца и мужа, желающего успокоить родных. Однако в душе у него, набирая обороты, бушевал смерч.

— Все в порядке, милые. Я в норме. Просто...

Тупая боль в коленях сменилась жгучим огнем, и Кин поморщился. Виски пульсировали в такт с сердцебиением. Дневной свет за открытыми воротами гаража казался ослепительно ярким, а урчание машины Хезер, работавшей на холостом ходу, — оглушительно громким.

— Должно быть, я оступился.

— Нам стоит вызвать врача, — сказала, подавшись к матери, Миранда. — Это уже третий раз за месяц.

Говорила она тихо, но Кин все равно услышал. Надо их приободрить, прежде всего дочь.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Просто дайте мне прийти в себя.

Он выпрямился, игнорируя боль и мышечные спазмы по всему телу.

— Вот видите? Я в полном порядке.

— Миранда, ты же торопишься! — сказала Хезер. — Иди, а я помогу папе.

— Ладно.

Четырнадцатилетняя девочка забрала из машины рюкзак и спортивную сумку и снова подошла к нему.

— Пап, с тобой точно все хорошо? Честно?

— Да, милая. Все отлично.

Кин вытянул руку — мол, дай обниму, — и Миранда на миг прильнула к нему.

— Скоро займусь ужином. Сегодня будет лазанья. По моему рецепту. Добавлю слой киноа для текстуры...

Не успел он договорить, как перед глазами возникли точные образы. За долгие годы тренировок и служебных заданий мозг привык сканировать каждый эпизод, учитывая все переменные. Эта моторная память включалась произвольно, даже при простей-

ших действиях вроде приготовления пищи или уборки гаража. Кин мысленно визуализировал рецепт, ингредиенты и весь процесс, а также предполагаемое время готовки и пузыристую сырную корочку на идеальной лазанье. Он надеялся, это блюдо будет достойно телешоу «Домашний шеф-повар», если когда-нибудь у него хватит смелости записаться на прослушивание.

Кин посмотрел на Хезер. Жена ответила привычной ухмылкой и закатила глаза, как всегда бывало, стоило ему завести речь о кулинарии.

Миранда, выводя из гаража велосипед, бросила на отца обеспокоенный взгляд, и Кин мигом переключился в семейный режим. Ну а как иначе?

— Постой. Четыре вопроса.

Их он задавал всякий раз, когда дочь уходила из дома.

Забыв о недавней тревоге, Миранда заломила бровь, и Кин выпалил первый из четырех:

— Куда ты собралась?

— К Тане. Делать домашку по программированию.

Миранда недовольно поморщилась, переминаясь с ноги на ногу, однако Кин был счастлив, что ее волнение сменилось подростковым нахальством.

— Кто там будет?

— Только Таня. И ее родители.

— Когда вернешься?

— Около семи. Сейчас... — (Миранда покосилась на стенные часы.) — ...без двадцати четыре. Как раз успею к твоей лазанье.

— В экстренном случае...

— Можешь мне позвонить. Телефон я взяла. До-волен?

— Вполне. Не забудь, сегодня первый понедельник месяца. По традиции вместе смотрим телевизор.

Миранда кивнула и с неприступным выражением лица обвела глазами предков. Последнее время такое случалось часто.

Хезер ослепительно улыбнулась дочери и переключилась на мужа. Он все еще потирал голову. На лбу у Хезер, как всегда в моменты беспокойства, снова проступили морщинки.

— Поставлю машину в гараж, — сказала она и вернулась в седан, мурлыкавший на холостом ходу.

Автомобиль тронулся с места — и вдруг из-под протектора с громким хрустом вылетел какой-то предмет.

Кин сосредоточился, пытаясь понять, откуда донесся хруст, и просчитать траекторию полета, но в памяти не осталось ничего, кроме голубой вспышки и пронзительного звука. Наверное, еще один обморочный симптом.

Хезер открыла водительскую дверь и хотела было выйти, но замерла.

— О нет, — прошептала она так, чтобы ее услышал Кин, и подняла с пола сферу размером с мячик для пинг-понга. — Только не снова... Ты что, опять рассматривал эту штуковину?

Возвратный маячок Бюро темпоральной деформации. По большей части гладкий хром с редкими технологическими канавками и выемками, а еще — с вмятиной от пули. (Однажды Хезер назвала этот шар помесью Звезды Смерти и сферы Борга. Вместо того чтобы выяснить, о чем речь, Кин предпочел поверить жене на слово.) Голосовая активация, голографический интерфейс. Когда-то маячок находился в теле Кина, прямо под грудной клеткой.

Другие нюансы забылись, но эти засели накрепко. Быть может, о них напоминали шрамы, что остались после собственноручной операции.

Висок ужалила боль. Кольнула, будто швейной иглой.

Теперь Кин вспомнил. Минут десять-пятнадцать назад он достал ящик с инструментами, выудил сферу из-под набора гаечных ключей и уставился на нее, пытаясь усилием воли пробудить былые образы.

— Все то же, что и при нашем знакомстве? — спросила Хезер. — Головные боли, потеря памяти? Но симптомы давно не давали о себе знать. Почему они вернулись? Почему тебе становится хуже?

Кину хотелось раскрыть правду: когда они познакомились, воспоминания о две тысячи сто сорок втором году и БТД стерлись еще не до конца. В итоге мозг вошел в равновесие между прошлым и будущим. Это совпало с расцветом отношений с Хезер. Проявление симптомов стало редким, только когда Кин пытался что-то вспомнить.

До недавних пор.

— Полгода назад... — начал он, поскольку требовалось что-то сказать.

Снова повторить прежнюю легенду о военном прошлом и посттравматическом стрессовом расстройстве, с которым никак не совладать? Или признаться, каково это — чувствовать, как немногие воспоминания агента бюро меркнут в той же черной пропасти, где сгинула память о прежнем Кине? О том, кем он был до встречи с Хезер. Объяснить, что он смотрит на маячок, пытаясь себя спровоцировать? Доказать себе, что не сходит с ума?

Но это прозвучит как бред умалишенного. К тому же Хезер и без того взволнована.

Кин сосредоточил внимание на неработающем маячке. Изобретенный в далеком будущем сплав сферы давным-давно выдержал пистолетный выстрел, а теперь еще и наезд автомобиля.

— Кин, ты слышишь? Здесь твоя семья. И здесь же эта металлическая штука. Объясни, что происходит, — тихо попросила жена. — Я трижды находила тебя в отключке, а рядом лежал этот шарик. Ты прямо как одержимый.

— Это мелочь, старый рабочий инструмент, — пояснил Кин и положил маячок на полку. — Смотрел, нельзя ли починить.

— Но это не совпадение. Быть такого не может. Прошу, избавься от него. Выброси.

Внезапно Хезер поморщилась, зажмурила глаза и, закусив нижнюю губу, схватилась за голову. Кин хотел обнять ее, но жена отвернулась.

— Я в порядке, — сказала она. — Просто день выдался долгий, а еще предстоит сделать несколько звонков.

Адвокатская карьера служила ей поводом для гордости, но в равной мере и причиной постоянного стресса.

— Вот как! — воскликнул Кин. — И кому из нас надо к врачу?

— Честное слово, я в порядке. Если бы не стенограммы разговоров с клиентами, которые надо просмотреть...

На серьезном лице Хезер появилась кривая улыбка, и у Кина стало одной заботой больше.

Жена взяла его за руку. На фоне ее светлых пальцев кожа Кина казалась совсем темной.

— Нет, ты только взгляни на нас. Пререкаемся, кто первый пойдет к врачу из-за головной боли. Как парочка стариков.

— Может, нам сделают пенсионерскую скидку?

— Знаешь что? Вот это, — она коснулась морщин в уголках его губ, — и вот это, — погладила его седые пряди и щелкнула по очкам на носу, — заметно повышает твои шансы на дисконт.

— И твои тоже, — беззаботно отозвался Кин.

— Ты должен говорить, что я выгляжу на двадцать пять и ни днем старше, — усмехнулась Хезер. — И не списывай эту грубость на помрачение рассудка.

Она игриво толкнула его в плечо, и Кин, едва не потеряв равновесие, снова вскинул руки к голове.

— Ой, прости, — смутилась Хезер. — Извини...

— Все хорошо. Ну что ты, все хорошо, — заверил ее Кин и украдкой вытер проступивший на лбу пот. — Ничего мне не делается.

— Прошу, избавься от этой штуковины, — сказала она изменившимся строгим тоном. — Тебя мучают головные боли и провалы в памяти. Меня это пугает. Миранда места себе не находит от волнения. И видеть тебя в таком состоянии... Все это нам не на пользу.

Она взяла его за руку и добавила:

— Тебе нужна профессиональная помощь.

— Все со мной нормально. Несколько лет назад мне делали томографию. Я в полном порядке.

— Ну почему ты отказываешься меня слушать? Так продолжаться не может. Тревога давит на Миранду, и она замыкается в себе. Обратись к специалисту. Мо-

жет, у тебя панические атаки или что-то в этом роде. И причиной тому... — (Она взяла маячок.) — ...вот эта штуковина. Не знаю почему. Допустим, включается подсознание. Этот шарик напоминает тебе о детстве в интернате. Или о службе в специальных войсках. ПТСР... Такое расстройство типично для получивших боевое ранение.

Слова Хезер означали, что легенда Кина все еще в силе. Даже теперь. Но он уже не знал, хорошо это или плохо.

— Скверные были годы. Не хочу о них говорить.

— Именно поэтому ты и должен излить душу! Сам подумай — что, если снова потеряешь сознание? Ударись головой и умрешь? Мне придется осваивать готовку, а в тридцать восемь это как-то поздновато.

Рослая Хезер рассмеялась, притянула мужа к себе и обвила длинными руками.

— В наше время ПТСР — уже не клеймо и не позорное пятно. Это самая настоящая болезнь, и тебя могут вылечить.

ПТСР. Как, скажите на милость, объяснить врачу, что Кин страдает от остаточных фрагментов путешествий во времени, а не от посттравматического стрессового расстройства?

— Таков экспертный совет налогового адвоката?

— Между рабочими встречами выдалась минутка, и я загулила.

Кин взглянул на маячок, на шероховатые канавки, за которыми виднелась начинка устройства.

— Если это повторится, пойду к врачу. Договорились?

— Ох, Кин... — тяжело вздохнула Хезер.